

- 2) для выражения сильных эмоций, как междометия;
- 3) как слова-паразиты;
- 4) «для связи слов».

(Последнее утверждение студенты внятно пояснить не сумели даже после замечания, что для связи слов существует грамматика).

Основным аргументом в защиту дозволенности матизмов в современном русском языке явилось использование их в средствах массовой информации и в кинофильмах. Кроме того, был поставлен вопрос о своевременности обсуждения такой второстепенной темы в стране, где есть более серьезные проблемы, например, демографический кризис и многое другое.

В обмене мнениями, помимо студентов, принимали участие преподаватели университета, которые также высказывали собственное мнение, стараясь не подавлять живую студенческую дискуссию. Их точку зрения разделяла большая часть аудитории. Для многих студентов явилось откровением, что:

1) образование матизмов совсем не было «моральным отпором монголо-татарскому игу», а восходит к славянскому язычеству. При этом сквернословие, имея выраженный антихристианский характер, неоднократно осуждалось в посланиях митрополитов и патриархов, запрещалось царскими указами.

2) в русском языке (в отличие от американского варианта английского языка, знакомого учащимся в основном по боевикам) существует табу на использование сквернословия в любых ситуациях;

3) в российском законодательстве употребление нецензурной брани в общественных местах квалифицируется как хулиганство и влечет за собой уголовную или административную ответственность [6].

Возражения против законности включения матизмов в современный русский язык сводились к следующему:

1) Журналисты, позволяющие себе включать их в свои материалы, имеют недостаточный профессиональный уровень и «заигрывают с неразвитыми людьми».

2) В литературных произведениях, если это совершенно необходимо для создания определенного образа, можно обозначить матизм отточием.

3) По-настоящему культурный человек всегда найдет подходящие нормативные слова для выражения любых эмоций.

В итоге дискуссии студенты пришли к выводу, что будет целесообразно различать два случая употребления матизмов: 1) ограниченный словарный запас, 2) личный выбор. Постановили (в обоих случаях) приравнивать привычку употреблять данную обценную лексику к **физической нечистоплотности**.

Таким образом,

1) По нашему мнению, такая форма внеаудиторной работы, как непринужденная дискуссия в форме *свободного и равноправного обмена мнениями* (в отличие от выступления на семинаре) является действенным средством при обучении и воспитании студентов русскому языку и культуре речи, а также при решении воспитательных задач. Она помогает учащимся научиться слушать оппонента и вычленять основную информацию, правильно строить собственное высказывание на родном языке и, в конечном итоге, уточнить собственную точку зрения на обсуждаемую проблему.

2) Признать, что в таких дискуссиях оптимальным следует признать метод, при котором происходит извлечение скрытого, неосознанного студентами знания с помощью наводящих вопросов (майевтика).

3) Ведущему дискуссии (преподавателю или заранее подготовленному студенту) целесообразно заранее продумать список основных наводящих вопросов, при этом не терять способности непосредственно реагировать на высказывания учащихся.

4) Дискуссия на одну из актуальнейших для современной молодежи тем «Является ли употребление матизмов нормой современного общения?» дала возможность студентам свободно изложить свои взгляды на проблему, в процессе совместного обсуждения скорректировать их и выработать общую точку зрения.

Источники и литература

1. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. – М.: Знание, 1979.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – М.: Логос, 2002.
3. Ковалев А. Г. Психология личности. – М.: Просвещение, 1970.
4. Канн-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. – М.: Педагогика, 1990.
5. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
6. Культура речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Наука, 2003.

Воронцова Е. А. НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОДРОСТКОВ

Реконструкция языковой картины мира любой социопсихологической единицы (индивида, социальной или профессиональной группы, этноса) предполагает выявление базовых для нее представлений об объективной реальности. Смысловое моделирование мира, формирование системы ценностей происходит «в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления» [9; с. 60] и в значительной мере определяется культурной парадигмой, которой оперирует данная группа или индивид.

Наше исследование представляет собой анализ оригинального языкового материала, собранного в ходе авторской игры-эксперимента «Мировое древо». По сценарию испытуемым (учащимся 8-11 классов) предлагалось сконструировать дендроцентрическую модель универсума, альтернативную архаической. В соответствии с мифопоэтическими представлениями древних славян членение Мирового Древа соответствует трихотомии космоса: крона символизирует так называемый «верхний мир», населенный высшими божествами, дающими жизнь; корни – «нижний мир», средоточие мрака, смерти и зла; ствол – «промежуточный мир», где

обитают люди и полубожественные сущности. Задача участников эксперимента состояла в том, чтобы «населить» псевдомифологическое Древо: нарисовать его обитателей, дать каждому имя и придумать «легенду» (определить функции и отношение к человеку). Выбор русского или белорусского языка в качестве рабочего специально не оговаривался. Всего было получено 619 номинаций, 55 из которых соотносились с белорусским языком (имели в составе белорусские корневые морфемы или описывались средствами белорусского языка) или с белорусскими реалиями.

Демаркация русскоязычных и белорусскоязычных номинаций обусловлена заметным расхождением встающих за ними образов мира. Подтверждается тезис о том, что «язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [8, с. 6]. Мы ставили целью проследить характерное для двуязычия «столкновение материальных и духовных культур... происходящее не просто в жизни, но на уровне сознания, осмысления жизни» [3, с. 36], выявить те ключевые особенности отображения действительности, которые вызваны сменой языкового кода.

Хотя среднестатистический представитель молодого поколения Беларуси считается билингом, в повседневном общении он предпочитает русский язык как более универсальный, поэтому в ситуации словотворчества использование русскоязычного «строительного материала» не несет дополнительной смысловой нагрузки. Вместе с тем сознательный выбор белорусского языка эксплицирует гражданскую позицию индивида и является знаковым.

На основании анализа окказиональной лексики можно судить о системе приоритетов и стратегиях поведения современных подростков.

Инвариантную часть как русскоязычной, так и белорусскоязычной картины мира составляют базовые понятия «счастье», «дружба», «любовь», «детство», которые характеризуют эмоциональное состояние человека, его отношения с другими людьми и возрастную самоидентификацию, например, *Хитунчик* ‘бог счастья’ – *Радасьцоха* ‘богиня радости, счастья, веселья’; *Друзики* ‘духи дружбы’ – *Сябрык* ‘бог дружбы’; *О-го-го* ‘бог любви, ходит в розовом, перемещается на облаках’ – *Каха-каха* ‘покровительница любви’; *Грустишка* ‘утешает плачущих детей, шекочет их своим хвостиком’ – *Ляля* ‘багиня дзіцячага шчасця’.

Наблюдения над вариативным компонентом обеих картин мира позволяют сделать вывод: разные языки дают проекции в разные области культуры.

Так, русский язык – это канал выхода в молодежную субкультуру, которая реализуется в урбанистическом, космополитическом по своей сути пространстве. В отношениях с окружающим миром современный тинейджер выступает представителем «человечества, завоевавшего природу, обустроившегося в ней со всеми удобствами» [10, с. 2]. Его актуальное я-пространство насыщено атрибутами цивилизации: *Перекрут* ‘обожают плавать в стиральной машине’, *Маркович* ‘бог почты, всегда немного нетрезв, небрит, одет небрежно, с толстой сумкой на ремне’, *Батарейчик* ‘бог солнца’. Формы подростковой активности (занятия, увлечения, времяпрепровождение) стереотипны и сосредоточены вокруг школы, компьютера, дискотеки, спортивного/тренажерного зала: *wwwбог*, *Диско-бес*, *Атлетуус*. Стиль жизни во многом детерминирован экранной реальностью, в частности рекламой, культивирующей интерес к популярным брэндам: *Чистотайдон*, *Нотелла*; приобщающей, хотя бы и виртуально, к индустрии красоты и моды: *Армануус*, *Шанелля*.

Напротив, белорусскоязычная картина мира отчетливо коррелирует с образом Родины, Беларуси, то есть является национально маркированной.

Ориентируясь на имя и/или легенду персонажей, в понятийном поле «Родина» мы выделяем ряд тематических микрополей. Микрополя диффузны; окказионализмы, расположенные на их пересечении, демонстрируют более сложную экстралингвистическую опосредованность. В семантические связи, которые консолидируют микрополе, вовлекаются элементы символических кодов белорусской культуры. Базирующиеся на реалиях и конвенциональных национальных символах номинации придают образность непредметному по своему содержанию понятию «Родина».

«Образы... погружены в ассоциативные отношения» [1, с. 153]. Родина ассоциируется, прежде всего, с отчим домом, семьей, родом. Об этом свидетельствуют *Печкавік* ‘бог дамашняга цяпла’, *Камяра* ‘богиня уюта, очень любит вязать, всегда есть в запасе спицы, зимой все боги ходят в ее вещах’, *Чысар* ‘бог чаю’ (от *tea* – англ. чай), *Мерыца* ‘багиня раю ў сям’і’ и *Блакітніца* ‘багиня жыцця і роду’, *Бусяляк* ‘бог продолжения рода’ (от бел. «бусел» – аист). Тематической доминантой соответствующего микрополя, центрального в контексте Родины, следует считать «дом» – самое емкое понятие, экстенционал которого формируется в том числе за счет денотатов, соотносимых с именами «семья», «род», ср.: дом – «жилое здание, а также люди, живущие в нем», «семья, люди, живущие вместе, их хозяйство», «династия, род»¹. Внутри микрополя номинации вступают в парадигматические отношения благодаря наличию в их значении общих сем. Так, *Печкавік* и *Мерыца* означивают локус актуального существования человека (здесь и сейчас): первая – деревни (отчий дом – деревенская изба), вторая – природного я-пространства (Мерица – река, приток Западной Двины). *Печкавік*, *Камяра*, *Чысар* содержат сему «тепло» и восходят к понятию уюта с его важнейшими признаками: «тепло и домашний очаг (поближе к огню)... связь с представлением о чем-то родном» [12, с. 79]. Соответственно, уютный – «такой, в котором удобно и приятно находиться», «такой, который располагает к себе простотой и мягкостью». В сознании участников эксперимента такие обыденные действия, как вязание и чаепитие, приобретают ритуальный характер – в этом смысле *Камяра* и *Чысар* представляют собой отдельную тематическую группу по признаку «сплачывай семью». В то же время *Камяра* и *Печкавік* тяготеют друг к другу посредством внутренней формы, где просматривается сема «ограниченное домашнее пространство» (камора – «устар. и обл. комната»; каморка – «маленькая тесная комнатка»; печь архитектурно «привязана» к комнате, жилому помещению). Использование архаичного имени «камора» не кажется нам случайным – в белорусском языке по сравнению с русским оно имеет дополнительное значение «сховішча найбольш каштоўнай маемасці»², что обеспечивает ему положительные коннотации. Печь, вероятно, вообще архетипична: это не только «устройство для отопления помещения и приготовления пищи», без чего невозможна нормальная жизнедеятельность человека, но и очаг –

«семья, родной дом». Предицируя *Печкавіка* легендой, подростки, участвующие в акте словотворчества, активизируют прямое и переносное значения слова «тепло» («нагретое состояние чего-либо», «теплое помещение, место», «сердечность, доброта, ласка, сердечное отношение»). Кроме того, имплицитно, печь – центр дома, так же, как дом – центр Родины, ср.: «от печки (танцевать)» – «начинать с привычного места, с начала».

Мерыца и *Блакiтнiца* (мотивирована одним из элементов символического цветового кода белорусов, здесь *блакiтны* – цвет воды) внутренней формой обращены во внешнее по отношению к дому пространство, объединяя понятия семья–род–природа, и созвучны общенаучному «вода – источник жизни».

Блакiтнiца и *Бусяка* акцентируют ценностный аспект рода. С учетом того что один из главных символов национальной культуры «бусел» по сравнению с русским языком имеет более широкое содержание – не только кодирует репродукцию семьи, но и олицетворяет Беларусь (см. у В. Короткевича: «Зямля пад белымi крыламі» – перифраз Беларуси), становится прозрачной диада род–Родина.

Связь рода с природой очевидна даже на уровне этимологии слов. В картине мира этноса запечатлевается «кормящий и вмещающий ландшафт» [4, с. 12], который ему дан.

Апелляция к гидрографическому объекту (р. Мерица) является показательной в том смысле, что водная стихия представляется участникам эксперимента главной особенностью белорусской природно–географической среды. С темой «вода» непосредственно связаны *Блакiта* ‘богиня рек, озер, водоемов, дождя’, *Нясвiж* ‘бог рэк’ (от «не-свидь» – место у реки или водоема без прибрежных зарослей), *Капялюшкiн* ‘бог росы и дождика’, а также, косвенно, *Вадзаны* ‘бог калодзержной вады’, поскольку колодец находится на пересечении природного и культурного пространства (содержимое, вода – элемент природы, форма, сруб – артефакт). Сюда же, но в уже качестве периферийного, пограничного элемента, следует поместить упоминавшуюся выше *Блакiтнiцу*, которая служит аллюзией на воду, и, для того чтобы изображение было максимально полным, отметить имя *Крыня* ‘багiня гiсторыi, заступнiца наша’, производное от «крынiца» (русс. «родник», «источник») в переносном значении – «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь». Из мозаики окказионализмов складывается вполне стереотипный фрагмент национальной картины мира, неоднократно воспроизводимый в научном, публицистическом, поэтическом дискурсе: «свежему человеку, побывавшему в Белоруссии впервые, кажется, что здесь процесс творения, состоящий в отделении воды от земли, еще не завершился вполне, а продолжается до сих пор» [6, с. 58]; «немалым почетом пользуется и царица-водица – другая стихия, еще более важная по своему значению для жизни человека... И по сей день в Белоруссии почитаются «езера, кладези и источнiцы» [2, с. 19] и др.

Белорус гармонизирует с природой, его деятельность не наносит ей вреда. Земля сакральна, имеет отдельного персонификата – *Глебовiка* ‘бога земли и плодородия’. К нему примыкает *Апыленчыха* ‘багiня цвiцення’, реализующая сему «плодородие», и многоаспектный персонаж *Васiльмоц*, который, помимо того что ‘дает жизнь растительности, создает новые ее виды’ (выполняет репродуктивно–креативную функцию), еще и ‘следит за порядком на всей земле’ (регулятивная функция), восстанавливая экологическое равновесие силовым методом (эксекутивная функция): в соответствии с легендой ‘если причинить вред васильку, последует страшное наказание Васильмоца’. Василек прототипичен для белорусов, восходит к фольклорным текстам, где изначально был метафорой любой растительности, сегодня занимает устойчивой положение в символическом поле Родины.

Многочисленные номинации – конститuentы микрополя «земля, труд» – детализируют исконные занятия сельского жителя: *Збажынка* ‘багiня земляробства’, *Працянок* ‘бог ремесла, торговли, земледелия, дает плодородие земле за бережное обращение с ней’, *ВЕ* ‘бог гаспадаркi’, *Хант-мэн* ‘бог палывання’, *Фишэр* ‘бог рыбалоўства’ (последние три лексемы, образованные путем транслитерации, характеризуют их авторов как представителей молодежной субкультуры, тяготеющей к американской культуре и англоязычным заимствованиям). Приоритет аграрной сферы очевиден. Действительно, «беларуская культура – земляробчая, слянская, сядзiбная...» [11, с. 238].

Именно работа на земле во многом детерминирует менталитет белорусов, наиболее характерными чертами которого считаются трудолюбие, хозяйственность: *Дабрабытнiк* ‘дапамагае працавiтым’, *Спадарка* ‘багiня дабрабыту’ (+ *Працянок*). Таким образом современные белорусские подростки транслируют традиционное представление о труде как залоге благосостояния. Психологический портрет жителей Беларуси дополняет толерантность, равнозначная дружелюбию: *Дзед Жыццек* ‘решает мелкие споры, ссоры’, *Памяркоўнiк* ‘даглядае за тым, каб мы не сварыліся’. Любопытно, что социологические исследования воспроизводят аналогичную картину; по данным «Комсомольской правды», 365 опрошенных петербуржцев назвали главными качествами белорусов трудолюбие, доброту, открытость [7, с. 11].

Родина в широком смысле не мыслится вне истории, традиций, языка, обеспечивающих ее устойчивость и целостность. Закономерными ассоциатами Родины являются понятия «истоки», «фундамент». Их персонификаты – *Крыня*, *Падмурнiк* ‘бог памяцi’, *Традыцiя-мова* ‘следит за соблюдением традиций, обычаев, охраняет их’, *Семiка* ‘багiня святаў’ (от Семуха – обл. Троица). Номинации *Абарон* ‘охраняет землю свою, воин, отвечает за охрану всех людей от врагов, воодушевляет воинов в боях за Радзiму’, *Кастусек* ‘абараняе Беларусь ад усялякага зла’ с доминирующей семой «защита отечества» отражают восприятие отечественной истории, с одной стороны, как истории войн, с другой – как войн оборонительного, а не наступательного характера. Предположительно, Беларусь глазами подростков – многострадальная Родина. *Кастусек* словообразовательно связан с именем не просто прецедентным, но ставшим политическим мифом. Кастусь Калиновский – борец за политическое и духовное освобождение белорусского народа, поэтому связанный с его именем псевдонимом является носителем семы «независимость». *Кастусек* и *Традыцiя-мова* – рефлекс национального самосознания.

Реалии современной жизни в белорусскоязычной картине мира практически не представлены. Единичные лексемы типа *Радыацыя*, *Эка-бог* ‘даглядае за тым, каб мы не хварэлі’ (аллюзия на Чернобыльскую катастрофу) следует, на наш взгляд, рассматривать в поле истории, но истории недавней, имеющей ощутимые последствия для участников эксперимента.

Если анализировать полученные результаты в системе темпоральных координат, можно заметить, что белорусскоязычная картина мира проецируется на ось диахронии, в то время как русскоязычная – на ось синхронии. Иначе, русским языком «говорит» сегодняшняя молодежная культура, белорусским – культура традиционная, преимущественно патриархальная. Да и к ней подростки приобщены не непосредственно, а через школьную программу. В ситуации эксперимента, когда респонденты переходят с русского языкового кода на белорусский, они осознают себя представителями «холодной» культуры – по Леви-Строссу, окруженной субстанцией истории [5, с. 405].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки и искусственный интеллект: Сб. ст. – М., 1988. – С. 147-160.
2. Багдановіч А. Я. Перажыткі старажытнага светасузірання ў беларусаў: Этнаграфічны нарыс. – Мн., 1995. – 186 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М., 1988. – 448 с.
4. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М., 2005. – 416 с.
5. Иванов В. В. К. Леви-Строс и структурная теория этнографии // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985. – С. 397-421.
6. Карскі Я. Беларусь. Мн., 2001. 640 с.
7. Бобед У. Беларусь для россиян – это Лукашенко // Комсомольская правда в Беларуси. – 2006. – № 116 (22–28 июня). – С. 11.
8. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 5-32.
9. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8-69.
10. Свитала И. М. Система философского осмысления счастья как детерминанта воспитательно-образовательного процесса: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. – Мн., 2004. – 41 с.
11. Шамякіна Т. І. Міфалогія Беларусі (нарысы). – Мн., 2000. – 400 с.
12. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М., 2002. – 224 с.

Примечания

¹ Здесь и далее значения слов приводятся по: Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981-1984; Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1984. – 816 с.

² Значение слова приводится по: Энаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. – Мн., 1989. – 575 с.

Гандзюк О. М.

КОНСТРУКТИВНА РОЛЬ ПРИЙМЕНИКІВ В ОФОРМЛЕННІ АДВЕРБІАЛЬНОЇ СЕМАНТИКИ

Постановка проблеми. В основу поділу прийменників на семантичні групи лежать конкретні типи семантико-синтаксичних відношень між компонентами словосполучень, що виражаються прийменниками [1, с. 277]. На базі цих відношень і семантики відмінкової форми залежного компонента словосполучення формується значення прийменника [7, с. 264]. Оскільки прийменники – це окремі типи слів-морфем, який найчастіше пов'язаний із синтетичними релятивними морфемами, його основне функціональне призначення полягає в переведенні субстантива із синтаксичної субстантивної позиції в позицію прислівника [2, с.185; 5, с. 330; 9, с.250; 12, с. 217-224], тобто вторинної предикатної синтаксеми [13, с. 201-203]. У типових випадках вторинна предикатна синтаксема складається з двох частин: трансформованого у морфологічний іменник вихідного предикатного слова з семантикою дії, процесу, стану, якості тощо і аналітичної синтаксичної морфем-прийменника, що вказує на семантико-синтаксичні відношення між двома простими реченнями [3, с. 140-154; 4, с. 272-275; 8, с.146-149].

Оскільки немає комплексного дослідження, у якому б розкривалося конструктивна роль прийменників в оформленні адвербіальної семантики, обрану для аналізу тему можна вважати *актуальною*.

Мета роботи полягає в дослідженні конструктивної ролі прийменників в оформленні адвербіальної семантики. Для її реалізації проаналізуємо найуживаніші прийменникові словоформи і проаналізуємо їх адвербіальну семантику.

До найуживаніших прийменників української мови відносяться прийменникові форми **без, в, від, до, з, за, на, о (об), перед, під, по, через**.

Прийменник **без** вживається тільки з формою родового відмінка і служить для формування умовної синтаксеми: – *Хіба можна, панове, так хвилююаися без жодних на це підстав!* – *мовить, затаюючись, Камінобродський-старший* (О. Сливинський); *Без цигана і ярмарок не буває* (Н.тв.)

Прийменник **в (у)** з атрибутивною семантикою функціонує у формах знахідного і місцевого відмінка.

Конструкції з цим прийменником у знахідному відмінку найчастіше передають час дії. Прийменник **в(у)** разом з іменниками часового значення вказує на певний, означений час дії, напр.: *В цю мить він бачив Бога зовсім близько* (Ю. Мушкетик). Сполучаючись з іменниками, які набувають часового значення лише в контексті, прийменник **в(у)** виділяє явище, що відбувається одночасно з якоюсь дією як її супровідна обставина. У цих конструкціях він може замінюватися синонімом **під час**, тоді як іменники з основним часовим значенням (**день, година** тощо) цієї заміни не допускають, напр.: *В ясну погоду танки звичайно пішли б тільки на вершину, але тепер, коли не розбереш, де яр, а де висота, вони можуть пройти і по схилу, понад самим ярмом, розраховуючи на те, що тут немає ні артилерії, ні петеерів* (П. Загребельний).

Словосполучення місцевого відмінка іменника, що має часове значення, з прийменником **в(у)** вживається на позначення часу дії: *В інших часах це було б й справді цікаво* (П. Загребельний). У місцевому відмінку цей прийменник формує причинові, умовні і цільові синтаксеми: –*Якщо ж бо в розпачі ти проклинатимеш мене і всіх, що кинули тебе і на Дніпрі не вмерли, простиш я тебе наперед, така вже наша доля, і ти мене прости, – сказав схвилювано Василь, дивуючись своїм незвичайним словам* (О. Довженко); *Хліб у дорозі не затяжить* (Н. тв.); *Наум, побачивши, що вже все готове, став одбирати людей: кого дружком, кого у піддружжі, кого у старости, жінок у сваики* (Г. Квітка-Основ'яненко).

Конструкція з прийменником **від** вживається у родовому відмінку і в адвербіальному функціонуванні створює темпоральну синтаксеми і вказує на початок дії: *Правда, вони працюють від світання до пізнього вечора. Зате знають, де прокинуться і що з ними буде завтра* (В. Собко); мету: *Він мерз у Пінських болотах,*